

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ФРЕНСИС БРЭТ
ГАРТ

Габриэль Конрой

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г21

Francis Bret Harte
GABRIEL CONROY

Перевод с английского языка *Абеля Старцева*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Гарт, Френсис Брэт.
Г21 Габриэль Конрой / Френсис Брэт Гарт ; [перевод с английского А. Старцева]. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-211125-9

Полная испытаний и жестокости жизнь золотоискателей американского Запада, суровые и мужественные герои, проявления человеческой доброты и верности — вот главные темы произведений Брэт Гарта. Он был дерзким журналистом, лирическим поэтом, своеобразным прозаиком. Его писательский дар признали сразу и, как ни удивительно, раньше всего в России. Но не только авантурные сюжеты и колоритные образы героев произведений Брэт Гарта влекут к его книгам все новых читателей, а, возможно, торжество справедливости, которое присутствует и в единственном романе «Габриэль Конрой», и в повестях и рассказах.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© А. И. Старцев, перевод на русский язык. Наследники, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211125-9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НА ПОРОГЕ

1. ВОВНЕ

Бело. Кругом бело. Даже если вы взберетесь на самую высокую из здешних вершин, чтобы глянуть на юг, — а окрестность открывается оттуда на добрые пятьдесят миль, — то и тогда не увидите ничего, кроме снега. Снег засыпал яры и ущелья, одел белым саваном каньоны, преобразил водораздел в подобие чудовищного могильника, укрыл основания сосен-гигантов и с верхушками упрятал молодые сосенки и лиственницы, облил белой глазурью берега чашеобразных озер, таких тихих сейчас и недвижных, и простерся — словно застывший волнистый океан — вплоть до самой линии горизонта. 15 марта 1848 года калифорнийская Сьерра была под белым покровом, а снег все валил и валил.

Он шел уже десять суток. Он падал на землю изящными ледяными кристаллами, мокрыми губчатыми хлопьями, прозрачными легкими пушинками. Из свинцовых туч он шел ровно и медленно, с багряно-черного неба валился плотной массой, а когда по небу проносились разорванные облака, они выбрасывали снег длинными струями, словно белые копья. Он падал беззвучно. Леса задыхались от снега, ветви деревьев изнемогали под его тяжестью; он захватил, пропитал, взял в полон и небо и землю; он укутал, устлал мягким ковром гулкие утесы и звенящие эхом склоны гор, обрекши их на безмолвие.

Самый резвый порыв ветра, самый яростный вихрь не мог теперь вызвать ни жалобы, ни вздоха от скованного снегом, окаменевшего леса. Сук не хрустнет, хворост не затрещит. Перегруженные снегом ветви сосен и елей отламывались от стволов и падали на землю в молчании. Безмерная, бескрайняя, необъятная тишина!

Ни малейшее дыхание жизни, ни малейшее движение не нарушали строго очерченный облик этого заколдованного пейзажа. Вверху не было привычной игры света и тени: сгущающаяся тьма бури сменялась ночной тьмой. Внизу — ни птицы над белой пустыней, ни зверя — в черном лесу. Если и обитали когда в этих пространствах живые существа, они давно ушли прочь — в низины. Нигде — ни пробитой тропы, ни следа. Если и был здесь отпечаток ноги человека или животного, его стер, замел падающий снег. Пустыня просыпалась каждое утро девственной и безмятежной; миллионы крохотных танцоров успевали отполировать за ночь снежную гладь. Но все же в самом центре пустыни, в главном форте этой суровой крепости виднелся знак людского труда.

Несколько срубленных деревьев лежало у самого входа в каньон, свежие стружки были лишь слегка припорошены снегом. Эти деревья были свалены для того, чтобы вернее открыть взору другое дерево, к стволу которого было прикреплено грубое изображение человеческой руки, указующей на каньон. Под изображением руки был накрепко прибит квадратный кусок парусины со следующей надписью:

«ВНИМАНИЕ!

Партия переселенцев под водительством капитана Конроя заблудилась в снежную бурю и разбила лагерь в этом каньоне. Продовольствие кончилось. Умираем голодной смертью.

Вышли из Сент-Джо 8-го октября 1847 года.

Вышли из Солт-Лейк 1-го января 1848 года.

Прибыли сюда 1-го марта 1848 года.

Потеряли половину лошадей, переправляясь через Плату.

Бросили повозки 20-го февраля.

ПОМОГИТЕ!

Вот наши имена: Джоэл Маккормик, Питер Дамфи, Поль Деварджес, Грейс Конрой, Олимпия Конрой, Мэри Дамфи, Джейн Брэккет, Габриэль Конрой, Джон Уокер, Генри Марч, Филипп Эшли.

Внизу было приписано помельче карандашом:

«Мама умерла 8-го ноября в Суитуотере.

Мини умерла 1-го декабря в Эхо-Каньоне.

Джейн умерла 2-го января в Солт-Лейк.

Джеймс Брэккет пропал без вести 3-го февраля.

ПОМОГИТЕ!»

Жалобы страдальцев обычно не претендуют на изящество стиля или законченность формы; сомневаюсь, однако, чтобы какие-либо риторические ухищрения могли придать этому объявлению еще большую выразительность. Поэтому я привожу его в точности, как оно висело на дереве в день 15 марта 1848 года, полузакрытое тонкой пленкой мокрого снега, под выбеленной снегом, словно от мороженой, рукой, указующей окостеневшим перстом — как если бы то был перст самой смерти — в сторону рокового каньона.

В полдень буря поутихла, и восточная сторона неба чуть посветлела. Стали различимы суровые очертания дальних вершин, и, словно запавший от бескормицы, белый рок горы заблестел. Кто-то двигался по заснеженному склону, двигался медленно, с огромным трудом, двигался столь странным образом, что не сразу можно было решить, человек это идет или зверь. То он поднимался на ноги, то припадал на четвереньки, иногда устремлялся вперед, словно пьяный, утративший чувство равновесия, но при всем том строго сохранял принятое направление: он шел к каньону.

Вскоре сомнения рассеялись: то был человек. Исхудалый до невозможности, оборванный, укутанный в ветхую

бизонью шкуру, но все же человек, и к тому же решительного характера. Молодой человек, хотя плечи его ссутулились, а ноги едва ходили, хотя горе и заботы избородили его лоб преждевременными морщинами и проложили складки в углах застывшего рта; молодой, хотя страдания и голод прогнали с его лица юношескую беспечность, оставив лишь ярость и отчаяние.

Подойдя к дереву у входа в каньон, он счистил снег с парусинового плаката, а потом привалился к стволу и простоял несколько минут неподвижно. В отрешенной этой позе сквозило нечто такое, что говорило о крайнем изнеможении еще красноречивее, нежели лицо его и движения, и было труднообъяснимо даже при создавшихся обстоятельствах. Чутьочку отдохнув, он двинулся дальше, подстегивая свою нервную энергию, спотыкаясь, падая, останавливаясь, чтобы поправить соскальзывавшие с ног лыжи-самodelки из еловой коры, и вновь устремляясь вперед с лихорадочностью человека, который страшится, как бы не изменила ему его крепкая воля, последний его оплот.

На расстоянии мили от дерева, где каньон, сужаясь, постепенно поворачивал к югу, из отверстия в снегу поднимался слабый кудрявый дымок. Когда молодой человек подошел поближе, он увидел свежие следы; у невысокого холмика, откуда тянулся дым, снег был утопан. Тут он остановился, а если точнее сказать, прилег у входа в снеговую пещеру и что-то крикнул слабым голосом. Ответ прозвучал еще слабее. В отверстии показалась голова; из пещеры вылез человек, закутанный в лохмотья; за ним второй, третий, четвертый; скоро восемь человеческих существ, мужчин и женщин, окружили лежавшего на снегу вестника. Они сидели, припав к земле, как звери; на зверей они походили и полным отсутствием чувства приличия и стыда.

Они были так худы, так измучены, на их прозрачных от истощения лицах царил такая безнадежность, человеческое в них — вернее, то, что осталось человеческого, — пробуждало столь сильную жалость, что, глядя на них, трудно

было не заплакать. Скотское же в них, пробужденное выпавшими на их долю лишениями, тупость, зверство, отсутствие мысли в лице выглядело столь нелепо, что поневоле рождался смех. Это были деревенские жители, принадлежавшие в большинстве к тому социальному слою, который черпает самоуважение не в нравственной силе и не в силе интеллекта, а лишь в общественном положении и во владении собственностью. Как только страдание уравнило их, они отбросили стыд и совесть: за душой у них не осталось ничего, что могло бы заменить утраченные материальные блага. Они были детьми, но без детского честолюбия и духа соревнования; они были мужчинами и женщинами, но лишенными спокойной важности зрелого возраста. Все, что возвышало их над животным состоянием, было потеряно в снегах. Утрачены были даже видимые различия пола и возраста: шестидесятилетняя старуха ссорилась, дралась и сквернословила с ухватками заправского буяна; страдавший цингой юноша хныкал, стонал и падал в обморок подобно истерической девице. Так глубоко они пали, что вестник, вызвавший их из снежной пещеры, сколь ни был сам он дик с виду и подавлен душевно, казался теперь существом из другого мира.

Все эти люди были не в себе, сознание их помутилось, но одна женщина, как видно, вовсе лишилась рассудка. Она держала небольшое одеяло, сложенное так, словно в нем был укутан младенец (ребенок умер у нее на руках несколько дней тому назад), и баюкала сверток с трогательной верой в свою странную выдумку. Еще прискорбнее было то, что ее бред не пробуждал в окружающих ни малейшего отклика, ни раздражения, ни сочувствия; они просто его не замечали. Когда через несколько минут женщина попросила не шуметь, чтобы не разбудить ребенка, они устремили на нее равнодушные взоры. Только рыжеволосый мужчина, жевавший клоч бизоньей шкуры, злобно ощерился на несчастную, но тут же позабыл о ней и снова погрузился в жвачку.

Вестник немного помедлил, скорее для того, чтобы собраться с силами, нежели выжидая внимания своих

беспокойных слушателей. Потом произнес одно-единственное слово:

— Ничего!

— Ничего? — Они откликнулись в один голос, но с разной интонацией, отражавшей особенности темперамента каждого: один свирепо, другой угрюмо, третий тупо, четвертый безнадежно. Женщина, баюкающая свернутое одеяло, рассмеялась и прошептала несуществующему ребенку:

— Он сказал: ничего!

— Да, ничего, — повторил вестник. — Вчерашний снегопад опять занес дорогу. Сигнальный огонь на холме погас; кончилось горючее. Я повесил объявление у водораздела... Еще раз замечу, Дамфи, и я прошибу твою мерзкую башку.

Дело в том, что женщина с младенцем попыталась подобраться поближе, и рыжеволосый мужчина грубо оттолкнул ее и ударил; он был ее мужем и таков был, очевидно, обычай их семейной жизни. Женщина словно не заметила ни мужнего гнева, ни колотушек — равнодушие, с каким эти люди принимали оскорбления и удары, было устрашающим — и, подползши к вестнику, спросила с надеждой в голосе:

— Значит, завтра?

Выражение на лице молодого человека смягчилось, и он ответил ей, как отвечал уже восемь дней подряд:

— Завтра наверняка.

Она отползла прочь, бережно придерживая свой сверток, и исчезла в пещере.

— Сдается мне, что от тебя мало толку. Сдается мне, что ты ни гроша не стоишь, — заявила скрипучим голосом одна из женщин, уставившись на вестника. — Почему никто из вас сам не пойдет на разведку? Почему вы доверяете свою жизнь и жизнь ваших жен этому Эшли?

Голос женщины становился громче и громче, пока не перешел в рев. Генри Конрой, истерический юноша, сидевший рядом с ней, поднял дикий испуганный взгляд и, словно опасаясь, как бы его не втянули в ссору, поспешил ретироваться по примеру миссис Дамфи.

Эшли пожал плечами и возразил, обращаясь не столько к говорившей, сколько к группе в целом:

— Спасение — только в одном... И для меня, и для вас... И вы это отлично знаете. Остаться здесь — верная гибель. Надо идти вперед, чего бы это ни стоило.

Он поднялся и медленно зашагал прочь, туда, где в нескольких десятках метров вверх по каньону возвышался еще один снежный холмик. Вскоре он исчез из виду.

Только он ушел, сидевшие кружком сварливо загомонили:

— Отправился к старому доктору и к девчонке. На нас ему наплевать.

— От этих двоих нужно избавиться.

— Да, от сумасшедшего доктора и от Эшли.

— Чужаки, — и тот и другой.

— С них все и пошло!

— Только подобрали его, и сразу не стало удачи.

— Но ведь капитан сам позвал старого доктора в Суит-утере и взял его в долю, а Эшли внес свой пай продовольствием.

Это сказал Маккормик. Где-то в глубинах его ослабшего сознания еще брезжило чувство справедливости. Голод не притупил его разума до конца. Кроме того, он с нежностью вспоминал о вкусной еде, внесенной Эшли в общий котел.

— Ну и что с того? — вскричала миссис Брэккет. — Разве не от него все наши беды? Мой муж — в могиле, а этот чужак, этот хорек здоровствует, как ни в чем не бывало.

Хотя голос ее звучал по-мужски, логика была чисто женской. И все же в атмосфере глубокого физического и умственного упадка, в том сумраке, который предшествует смерти от истощения и голода, такого рода логика часто бывает притягательной. Все они поддались ей и излили свои высокие чувства в едином аккорде: «Будь он проклят!»

— Что же с ним сделать?

— Будь я мужчиной, я сказала бы.

— Прирезать.

— Убить и... — Конец фразы миссис Брэкет произнесла шепотом, обращаясь исключительно к мистеру Дамфи; и другие так его и не услышали. Эти же двое продолжали беседовать между собой, доверительно качая головами, как два непарных, но равно мерзких на вид китайских болванчика.

— Поглядите, сколько у него сил, а ведь он непривычен к труду, как мы с вами, — сказал Дамфи. — Ручаюсь, у него что-нибудь да имеется.

— Что именно?

— Имеется что покушать! — Буквами не передать силу выражения, вложенную в последнее слово. — Пойдем-ка за ним.

— И убьем его, — внесла свое предложение добросердечная миссис Брэкет.

Охваченные энтузиазмом, все поднялись на ноги, проковыляли несколько шагов и тут же повалились на снег. Но и тогда у них не нашлось капли самоуважения, чтобы устыдиться своего неудавшегося замысла. Дамфи один поплелся дальше.

— Что это был за сон, который ты начал рассказывать? — спросил мистер Маккормик. Он устроился в снегу поудобнее, позабыв, как видно, начисто о том, что собирался делать минуту назад.

— Про обед в Сент-Джо? — откликнулся тот, к кому он обратился с вопросом. Этот человек был наделен гастрономической фантазией, которая стала для его сотоварищей источником блаженства и муки одновременно.

— Да, да!

Все пододвинулись к рассказчику, и даже отошедший было Дамфи застыл на месте.

— Так вот, — сказал мистер Марч, — на первое подали бифштекс с луком. Огромный бифштекс, сочный-пресочный; он просто плавал в луковой подливке. — У слушателей потекли слюнки, а мистер Марч с инстинктом прирожденного рассказчика, словно запомнил только что сказанное, повторил снова: — ...просто плавал в луковой подливке. Потом подали печеную картошку.

— В тот раз ты сказал жареную. С нее капал жир, — прервала его миссис Брэккет.

— Кто захотел жареную, тому дали жареную. Но печеная сытнее, она с кожурой. Потом подали колбасу и кофе. А под конец — блинчики.

При этом волшебном слове слушатели захохотали, быть может, не достаточно весело, но зато дружно и с готовностью.

— Давай дальше!

— Под конец подали блинчики!

— Ты уже сказал об этом, — прорычала миссис Брэккет, впадая в неистовство. — Дальше давай, будь ты проклят!

Творец лукулловского пиршества почувствовал надвигающуюся опасность и огляделся, ища Дамфи. Но того и след простыл.

2. ВНУТРИ

Жилище, в которое спустился Эшли, было ниже уровня снежного покрова, наподобие гренландского «иглу». Стало оно таким не по замыслу своих строителей, но волей обстоятельств. Снег, падая день за днем, все сильнее заносил вход в хижину, все плотнее оседал белой лесенкой на ее стенах; а сил у обитателей домика становилось все меньше, пока наконец они не оставили для связи с внешним миром только узкое отверстие наружу. Воздух в хижине был спертым, удушающим, но зато здесь было тепло; холод для истощенного организма страшнее тьмы и духоты.

Огонь, тлевший в печурке, бросал на стены слабый отблеск. В полутьме на полу можно было различить четыре фигуры: возле огня лежали молодая девушка и ребенок трех или четырех лет, покрытые одним одеялом; ближе к двери двое мужчин — каждый сам по себе. Всех четырех легко можно было счесть за мертвецов — столь глубокой была их дремота.

Наверное, подобные опасения возникли и у Эшли; помедлив у входа, он молча подошел к девушке, опустился

на колени и коснулся рукой ее лица. Прикосновение было легким, но прервало ее забытьё. Не знаю, что за магнетизм таился в пальцах молодого человека, но девушка села, схватила его за руку и, еще не раскрыв глаза, промолвила:

— Филипп!

— Тише, Грейс! — Он поднес ее руку к губам, поцеловал, потом предостерегающе кивнул в сторону спящих. — Не так громко. Я должен тебе многое сказать.

Девушка не отрываясь смотрела на него и, казалось, почерпала в том блаженство.

— Ты вернулся, — прошептала она, чуть улыбаясь. В ее взгляде можно было прочесть, что это для нее важнее всего на свете. — Ты мне только что снился, Филипп.

— Милая Грейс, — он еще раз поцеловал ей руку. — Послушай, дорогая, что я тебе скажу. Я вернулся, но без новостей. Никакого просвета, никакой надежды на помощь. Я думаю, Грейс, — тут он зашептал еще тише, чтобы слова его не достигли ничьих ушей, — что мы забрели далеко к югу от главного пути. Только чудо или несчастье, подобное нашему, может привести сюда других людей. Мы одни, без всякой помощи, в неведомом краю, который покинули даже индейцы и дикие звери. Мы можем надеяться лишь на собственные силы, а сил у нас мало, — он бросил на спящих взгляд, не лишенный некоторого цинизма, — ты знаешь это не хуже моего.

Она сжала его руку, словно относя упрек и к себе и прося извинения, но ничего не сказала.

— Мы утратили не только физические силы, но и внутреннюю дисциплину, — продолжал он. — Со дня смерти твоего отца у нас нет руководителя. Я знаю, милая Грейс, что ты хочешь сказать, — возразил он в ответ на ее протестующий жест, — но даже если бы ты и была права, даже если бы я годился на место твоего отца, они все равно не захотели бы меня слушать. Что ж, может быть, оно и к лучшему. Пока мы будем все вместе, при нас останется и главная опасность, опасность, исходящая от нас самих.

Произнося эти последние слова, Филипп бросил на нее пристальный взгляд, но она, как видно, не поняла его значения.

— Грейс, — сказал он, набравшись духу, — когда умирающие от голода люди волею судьбы брошены все вместе, нет такого преступления, на которое каждый из них не пошел бы, чтобы спасти свою жизнь; чем меньше надежды на спасение, тем упорнее они цепляются за нее. Ты, верно, сама читала об этом в книгах. Господи боже! Да что с тобой, Грейс?

Если она и не читала этого в книгах, то прочитала на лице, которое показалось в ту самую минуту в дверном отверстии; в лице этом было так мало человеческого, оно пробуждало столь страшные мысли, что девушке не потребовалось дальнейших разъяснений; это был знакомый ей человек — Питер Дамфи, но в то же время то был хищный зверь, приготовившийся к прыжку. Застенчивость и женское чутье пересилили у Грейс чувство страха; не признавшись Филиппу, чего она испугалась, она спрятала лицо у него на груди и прошептала:

— Я все поняла.

Когда она подняла голову, Дамфи не было.

— Успокойся, Грейс. Я не хочу пугать тебя, но хочу, чтобы ты поняла всю тяжесть нашего положения, пока у нас еще есть силы, чтобы спастись. Путь к спасению — только один; ты знаешь, о чем я говорю; страшный путь, но разве не страшнее оставаться здесь и ждать гибели? Еще раз прошу тебя: доверься мне. Когда я говорил с тобой в последний раз, у меня было гораздо меньше надежды, чем сегодня. С тех пор я разведаль дорогу, я начал ориентироваться в расположении гор. Мы пройдем. Вот все, что я хотел тебе сказать.

— А сестра? А брат?

— Нести с собой малютку нам не по силам, да она и не вынесет тягостей пути. Твой брат должен остаться с ней; его сила и бодрость послужат ей опорой. Нет, Грейс, мы должны идти одни. Пойми, что наше спасение — это и их спасение. Они продержатся здесь, пока мы не вернемся

за ними, а вчетвером мы не осилим трудностей пути. Я пошел бы и один, но я не в силах оставить тебя, милая Грейс.

— Если ты оставишь меня, я умру, — сказала она просто душно.

— Я знаю, — ответил он тоже без всякой аффектации.

— Но не лучше ли обождать? Помощь может прийти в любую минуту, даже завтра.

— Завтра мы будем слабее сегодняшнего. Силы наши убывают с каждым днем.

— А старый доктор?

— Он скоро будет там, где уже не нуждаются в помощи, — грустно сказал молодой человек. — Тсс, он просыпается.

Один из закутанных в одеяло мужчин зашевелился. Филипп подошел к очагу, подбросил сучьев и разгреб угли. Вспыхнувшее пламя осветило лицо старика; его лихорадочно блестящие глаза были устремлены на Филиппа.

— Зачем вы роетесь в очаге? — ворчливо спросил он с легким иностранным акцентом.

— Раздуваю огонь.

— Не троньте его.

Филипп, не споря, отошел в сторону.

— Подойдите, — сказал старик.

Филипп приблизился к нему.

— Можно не задавать вопросов, — сказал старик, пристально поглядев в глаза молодому человеку. — Ответы написаны у вас на лице. Все та же история. Я знаю ее наизусть.

— Ну и что?

— Ничего, — устало сказал старик.

Филипп снова отошел.

— Вы закопали ящик и рукописи?

— Да.

— Надежно?

— Надежно.

— А как вы обозначили место?

— Пирамидой из камней.

- А немецкие и французские объявления?
- Прибил их везде, где мог, по краям старой дороги.
- Отлично.

Когда Филипп повернулся, чтобы идти, циническое выражение на его лице словно усилилось. Не дойдя до двери, он остановился, вытащил из-за пазухи увядший цветок с поникшими лепестками и вручил его старику.

— Вот вам второй экземпляр того цветка, что вы разыскивали.

Старик приподнялся на локтях, схватил цветок и принялся разглядывать его, задыхаясь от волнения.

— Да, тот самый цветок, — сказал он с глубоким вздохом облегчения. — А вы... вы говорите, что нет новостей...

— Разрешите узнать, в чем же новость? — спросил Филипп с легкой усмешкой.

— Новость в том, что я прав, а Линней, Дарвин и Эшшольц ошиблись. Сделано важнейшее открытие. Так называемая альпийская фиалка совсем не то, чем ее считали до сих пор... Совершенно самостоятельный вид!..

— Важная новость для людей, умирающих с голоду, — с горечью сказал Филипп.

— Это еще не все, — продолжал старик, не обращая внимания на скептическое замечание Филиппа. — Этот цветок не мог вырасти в полосе вечных снегов. Он зародился в теплой земле, под благодатным дыханием солнца. Если бы вы не сорвали его, он вырос бы и отцвел, как ему повелела природа. Это значит, что через два месяца там, где вы нашли его, да и здесь, где я сейчас лежу, будет расти трава. Мы — ниже уровня вечных снегов.

— Через два месяца! — воскликнула молодая девушка, нервно сжимая руки.

— Через два месяца! — сумрачно повторил молодой человек. — Через два месяца мы будем далеко отсюда или же нас не будет совсем.

— Допускаю, — сказал старик сухо. — Но если вы точно выполнили все, что касается безопасности моих коллекций и рукописей, они не пропадут и в свое время станут достоянием науки.

Эшли отвернулся с жестом нескрываемой досады, а старик бессильно опустил голову. Сделав вид, что он хочет приласкать ребенка, Эшли снова приблизился к Грейс, что-то сказал ей почти неувлимым шепотом и удалился через дверное отверстие. Когда он ушел, старик приподнял голову и позвал слабым голосом:

— Грейс!

— Что, доктор Деварджес?

— Подойди ко мне.

Она поднялась и приблизилась к нему.

— Зачем он подходил к очагу, Грейс? — спросил Деварджес, бросая на девушку подозрительный взгляд.

— Не знаю.

— Ты обо всем ему рассказываешь. Об этом ты тоже ему рассказала?

— Нет, сэр.

Деварджес пристально поглядел на нее, как если бы читал все ее тайные мысли, потом, как видно успокоившись, сказал:

— Пора остудить его в снегу.

Молодая девушка стала разрывать тлеющую золу, пока не обнаружила там камень величиной с куриное яйцо; камень был раскален добела и в полутьме светился. Двумя обгорелыми палочками она с некоторым трудом извлекла его из очага и положила в снег, нанесенный ветром у порога, после чего вернулась к изголовью Деварджеса.

— Грейс!

— Да, сэр.

— Ты решила уйти?

Девушка ничего не ответила.

— Не говори — нет. Я подслушал ваш разговор. Допускаю, что это правильное решение. Но не в этом суть. Правильное ли, нет ли, ты уйдешь с ним все равно. Скажи, Грейс, что ты знаешь об этом человеке?

Ни почти что дочерняя любовь к доктору Деварджесу, рожденная многодневным общением, ни сблизившие их страдания, ни нависшая угроза смерти, ничто не приглушило в Грейс инстинктивной независимости женской

натуры. Она тотчас оборонила себя щитом и стала слабой рукой парировать удары умирающего противника.

— Все мы знаем, сэра, какой он верный друг. Бескорыстный друг. Сколь многим все мы обязаны его отваге, его выдержке, его уму!

— Вздор! Еще что?

— Не знаю, что сказать... Разве только, что он всегда был предан вам. Я думала, что и вы его любите. Ведь это вы привели его к нам, — добавила девушка не без коварства.

— Да, я повстречал его в Суитуотере. Но я не знаю ни кто он, ни откуда он взялся. Тебе он что-нибудь рассказывал?

— Он бежал от злого отчима. К нему дурно относились в семье. Он отправился на Запад, решил поселиться один, среди индейцев или же попытать счастья в Орегоне. Он очень гордый — вы знаете это, сэра. Он не похож на нас, он джентльмен, как и вы, образованный человек.

— Да, здесь он образованный человек!.. Не отличает лепестка от тычинки! — проворчал Деварджес. — Пусть будет так. Скажи лучше, после того как вы с ним убежите, обещает он на тебе жениться?

На мгновение впалые щеки девушки зарделись румянцем; она растерялась, но тут же вновь овладела собой.

— Не жестоко ли так шутить, сэра, и в такую минуту? — кротко возразила юная лицемерка. — От нашего успеха зависит жизнь моего любимого брата, малютки сестры, жизнь погибающих женщин. Ни у кого, кроме нас двоих, не хватит сил пройти этот путь; без моей помощи ему будет труднее; ведь мне требуется гораздо меньше пищи для поддержания сил, чем ему. Я верю в нашу удачу; мы вернемся немедленно, вернемся с подмогой. Нет, сэра, сейчас не время шутить. На карте жизнь наших спутников и ваша — тоже.

— Что до меня, — бесстрастно сказал старик, — я завершил расчеты с жизнью. Когда вы вернетесь, если только вы вернетесь вообще, — меня не будет в живых. — Судорога боли прошла по его лицу. С минуту он не шеве-

лился, как бы набираясь сил. Когда он снова заговорил, голос его звучал слабее и глуше: — Подойди поближе, дитя, я должен тебе еще кое-что сказать.

Грейс колебалась. Разговор вселил в нее какой-то страх перед этим человеком. Она оглянулась на спящего брата.

— Он не проснется, — сказал Деварджес, следя за ней взглядом. — Снотворное еще действует. Принеси мне то, что ты вынула из золы.

Грейс принесла камень; он стал синевато-серым и походил теперь на кусок шлака. Старик взял его в руки, внимательно оглядел и сказал Грейс:

— Теперь потри его об одеяло, и покрепче.

Грейс повиновалась. Поверхность камня чуть заиграла белым блеском.

— Блестит, как серебро, — задумчиво сказала девушка.

— Это слиток серебра, — ответил Деварджес.

Грейс невольно выпустила камень из рук и отступила назад.

— Возьми, — сказал старик, — я отдаю его тебе. Я нашел его год тому назад в ущелье, когда обследовал горную цепь, идущую отсюда на запад. Там много серебра, целая сокровищница, ты слышишь меня, Грейс? Жила проходит в синеватой породе; помнишь, как выглядел камень, когда мы вчера его клали в огонь? Я опишу тебе это место, расскажу, как его найти. Я передаю тебе свое право на серебро — право первооткрывателя. Возьми его; владей моим богатством.

— Нет, нет! — поспешно возразила девушка. — Оставьте его себе. Вы будете жить, оно вам еще пригодится.

— Нет, Грейс. Я не взял бы его даже если б мне суждено было остаться в живых. Я был богат, очень богат, и богатство не принесло мне счастья. Эти залежи серебра мне ни к чему. Сорная трава, которая растет рядом с ним, кажется мне теперь большим сокровищем. Прими мой подарок. В мире, в котором мы живем, богатство дает почет, положение в обществе. Прими мой подарок. Ты станешь такой же независимой и гордой, как твой возлюбленный. Ты будешь вечно прекрасной в его гла-